

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Г. С. Смирнов

НОВАЯ МОЛОДАЯ РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НООСФЕРНОЙ ЭКОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ПЕРСОНОЛОГИИ В XXI ВЕКЕ

Университетский профессор по призванию Юрий Михайлович Серов любит рассказывать студентам (которых иногда называют прединтеллигенцией) на лекциях по философии интересный эпизод из жизни артистов. Однажды известный московский театр был приглашен в Японию для того, чтобы сыграть для лицейстов пьесу А. П. Чехова «Вишневый сад». Спектакль шел на русском языке, в зале сидело несколько сот молодых людей. После спектакля директор театра поинтересовался у лицейского руководства, зачем были потрачены такие гигантские деньги, ведь мало кто из сидевших в зале понял смысл происходившего на сцене. Ответ поразил: «Если хотя бы один из них через двадцать лет вспомнит об этом спектакле, Япония станет чуточку лучше». Вот, очевидно, в этом и состоит смысл ноосферной экологии и ноосферного образования молодой интеллигенции.

Об этом сюжете вспомнилось при чтении книги «Герменевтика драматургии А. П. Чехова» (Иваново, 2008) И. В. Дмитриевской, которая в заключении делает вывод: «Чтобы душа была жива, нужно о ней заботиться, “кормить” любовью и добром, заставлять тру-

© Смирнов Г. С., 2008

Смирнов Григорий Станиславович — доктор философских наук, профессор кафедры философии Ивановского государственного университета.

даться сознательно, творчески, не тратить время на бездуховные занятия, творить добро» (с. 174—175). Пришло в Россию то время, о котором уже перестали было мечтать, вновь стало значимо обращение к *вечному*, а значит, есть повод писать о новой молодой российской интеллигенции.

Россия вновь вступила, как и век назад, в период своей ноосферной самоорганизации — кардинального переосмысления многотысячелетнего мирового и своего опыта миропостроения. Это время совпадает со значительными тектоническими геополитическими подвижками. Сможет ли Россия ответить на глобальные вызовы и угрозы, выбрать правильный путь в космопланетарной (ноосферной) коэволюции — это в значительной степени будет зависеть от той незначительной части русскоговорящей молодежи, в которой осуществляются сложные процессы *интерференции* интеллектуального и интеллигентского полей бытия пространства современной ноосферы.

Рождение новой духовной формации

XX столетие странным образом вобрало в себя трагический финал русской интеллигенции начала века и «трагический катарсис» советской интеллигенции конца века. Начало XXI века — своеобразная точка бифуркации, в которой особым образом *сплавляются* виртуальный феномен старороссийской и реальный феномен советской интеллигенции (В. И. Вернадский, И. П. Павлов, Д. С. Лихачев, Н. Н. Моисеев), которая, как это ни покажется странным, стала продолжательницей дела народной российской интеллигенции.

Не все согласятся с тем, что главные диссиденты тоталитарного СССР — это представители «советской» интеллигенции, но в действительности это именно так, ибо их интеллектуальным трудом и «умным деланием» сформировался в 60—80-е годы новый образ новой России начала XXI века. Сохранение в российской культуре, которая стала в XX веке мировым и глобальным феноменом, высочайших духовных интенций богочеловека и богочеловечества в почти естественных народных формах — это результат жизнебытия «высокой российской и советской интеллигенции».

Сейчас в условиях двадцатилетнего триумфального шествия доллара по России интеллигенция мало нужна государству, но ее следы в корневом народном сознании неискоренимы. Чем сильнее прессинг «всеобщей монетизации» России, тем значительней, по закону «социального противодействия», тяга к народной культуре и культуре общечеловеческого естества.

Процесс самоорганизации современной российской интеллигенции имеет прежде всего культурно-информационный контекст, а современная версия молодой российской интеллигенции может быть названа «интеллигенция.ru», чтобы подчеркнуть реальную неустранимую открытость молодой российской интеллектуальной субстанции глобальным космопланетарным вызовам третьего тысячелетия и формальную способность реализовать потенциал этнонациональной пассионарности не только для национального, но и общемирового (глобального) миропостроения.

До середины XX века мировая история развивалась по линии *военного разрешения* возникающих геополитических интервенций и социокультурных экспансий, связанных с фундаментальными противоречиями неравномерности этнонационального развития. Эта традиция особенно ярко проявила себя в двух *горячих* мировых войнах XX века. Вплоть до настоящего времени эта материально-эгоистическая форма развития техногенной цивилизации еще хочет доказать свою доминантность, что ярко проявляется в евразийской истории нового тысячелетия. Однако следует признать, что объявленный «конец истории» в этом смысле состоялся, ибо любой *военный передел мира под гегемона* в постиндустриальную (ноосферно-информационную) эпоху окажется самоубийственным.

Третье тысячелетие открывает эпоху ноосферно-информационного синтеза человеческой цивилизации в формах диалогового (и полилогового) разрешения ноосферных конфликтов главных субъектов исторического процесса — этнонациональных и этноконфессиональных общностей (сообществ). *Конвергенция* в этом ключе может рассматриваться как первый политический намек на новое синтетическое общебытие (общезитие) человеческой цивилизации, а *коэволюция* — как первая глобально-экологическая теория способов миробытия в двух смыслах (*мирного бытия мира*). Ноосферная концепция «мирового устой-

чивого существования» (В. И. Вернадский) предполагает устранение войн не только потому, что горячая война — это всегда экологическая катастрофа, но и потому, что сублимация средств, направляемых на вооруженную деструкцию, в мирные модели трансформаций позволит решить те же самые вопросы с гораздо меньшими финансовыми и людскими затратами. Мирная социальная кореволуция и глобальная социоприродная коэволюция могут стать важнейшими аттракторами общемирового развития в ближайшее столетие.

Такой сценарий планетарного развития ставит перед формирующимся сейчас поколением российской (и мировой) интеллигенции чрезвычайно масштабные задачи. Любая недооценка со стороны государства роли и значения образовательной, интеллектуальной, художественной, информационной составляющих ноосферного развития этноса чревата потерей интеллектуального лица в ноосферном сообществе стран третьего тысячелетия. Геополитический императив «кто владеет информацией, тот владеет миром» на самом деле выражает лишь долю правды, ибо в будущем коэволюционном отборе (выживании не посредством «борьбы всех против всех», по Т. Гоббсу и Ч. Дарвину, а посредством «сотрудничества и солидарности», по П. Кропоткину) высота культурного со-общезития и цивилизационного всеединства может оказаться соответствующей информационно-семиотической организованности ноосферного человечества.

Современная молодая интеллигенция в своем новом качестве «вываривается» в особом кросскультурном (в рамках глобального диалога культур) и транскультурном (в формах совмещения прошлого, настоящего и будущего) синтезе. Иногда это «варево» пенится, иногда «дурно пахнет», но качество самоорганизации (эмерджентности) уже проявляет себя, происходит постепенная кристаллизация феномена «интеллигенция.ру». Два момента в этом смысле являются чрезвычайно значимыми: экстенсивный и интенсивный рост культурности-образовательности.

Экстенсивный момент проявляется в тяге родителей к обучению-образованию детей, которая в наше время по своей силе сравнима с инстинктом *выживания-самосохранения*: стремление выучить «свое родное будущее» становится *современным российским императивом*.

Второй момент — *интенсивное развитие* антропоноосферной реальности зависит в значительной степени от воспитательно-образовательных и социокультурных моделей, господствующих в конкретный исторический период.

Такого рода видение мирового развития заставляет обратить особое внимание на ноосферно-антропологическое содержание *этно-нацио-конфессионального всеединства*, характерного, с одной стороны, для самоопределяющихся, а с другой стороны, интенсивно интегрирующихся стран современного мирового сотрудничества. (Особенно ярко эта динамика проявила себя в процессах постсоветского распада и евразийской интеграции).

Сможет ли формирующаяся современная молодая российская интеллигенция обеспечить выживание российского хронотопа (духовного, ноосферного синклита) в условиях умирающего, но именно поэтому столь опасного, концепта тоталитарного техногенного гегемонизма (однополярного мира)? Каковы плюсы и минусы *новой рождающейся духовной формации*?

Сначала о плюсах. **Во-первых**, самым значительным ресурсом молодой российской интеллигенции является ее культурная принадлежность. История последнего столетия показывает, что российская культурная мировая экспансия может рассматриваться как самая эффективная *форма культурного освоения* не только ближнего (постимперского или постсоветского), но также дальнего (европейского) и сверхдальнего (американского) пространства. (К сожалению, современная историческая и культурологическая наука не очень склонна разрабатывать эти направления исследования.) Постсоветская «челночная миграция», несмотря на все негативные ее стороны, может оказаться весьма полезной для отработки способов культурной коэволюции в условиях интенсивного информационно-ноосферного развития.

Во-вторых, в последнее десятилетие совершился реальный поворот к ревитализации всех форм российской культурности (общегосударственной, региональной и, особенно, краевой и местной). Провинция, в значительной степени «под спудом» сохранившая реликтовые культурные формы, оказывается культурным донором для формирующейся «новой российской интеллигенции», дистанцирующейся от форм «новорусской» культурной деградации, возникшей на субстрате денежного излишества и

дегуманизации (декультурации) потребностей. Думается, что *новая молодая российская интеллигенция* (как это было и в эпоху формирования советской интеллигенции) придет из провинции, деревенские корни которой уже ослабли, но районные центры продолжают оставаться хранителями традиционной русской духовности и культуры.

В-третьих, каждая территория (даже несмотря на свою достаточную близость к столице — «центру давящей депрессивности») сохраняет свое особое культурно-образовательное лицо, обеспечивающее достаточную разнообразность для форм «био-сферно-ноосферного выживания». Образовательное пространство региона пытается защитить даже местная властная и бизнес элита, понимающая свою кровную заинтересованность в сохранении культурных приоритетов, защищающих от олигархического эгоизма и глобального паразитизма.

В-четвертых, для всех локусов современного российского пространства характерно интенсивное создание информационно-компьютерных условий реализации ноосферного императива «*мыслить глобально, действовать локально*». Это создаст возможности для *естественного дистанционного образования*, соответствующего масштабности задач, которые уже сейчас встали перед страной не как виртуальные проблемы, а масштабные угрозы «вживания в будущее».

Однако есть и негативные факторы. **Во-первых**, это непонимание нынешним российским чиновничеством самых существенных факторов ноосферного развития страны. До сих пор приоритеты материального и духовного производства не рассматриваются в такой же императивной мере, как раньше в советское время рассматривались приоритеты «группы А» и «группы В». В условиях технического (техносферного) отставания России приоритеты должны быть выставлены именно в интенсивном духовном производстве всего российского общества. Культурный рост провинции может обеспечить возможности «духовной (ноосферной) мобилизации» российского общества в той же мере, в которой «народная мобилизация» в годы отечественных войн (1609, 1812, 1941) спасла страну от вражеского порабощения.

Во-вторых, современная недальновидная политика в области народного образования, которая ведет к разрушению в ос-

новых чертах сложившейся системы «лично-обращенного» российского образования, о которой мечтали Д. И. Менделеев, В. И. Вернадский, С. И. Гессен и многие другие деятели российской культуры. «Западнизация» («болонизация по-русски») может нанести долго непоправимый вред в деле формирования *опережающего образования* третьего тысячелетия — ноосферного образования, опирающегося на корневые культурные природно-языческие и религиозно-православные традиции, из которых выросли мировоззрение русского космизма и праксиология русской народной интеллигенции.

В-третьих, существенным фактором, способным разрушить «народную образовательную мобилизацию», может оказаться *коррупционная коммерциализация* получения образования, а также «зашлакованность» управленческих каналов «эффективными» менеджерами, получившими «утилитарное образование» для выполнения корпоративных задач «ресурсной» эксплуатации страны.

«Голосование образованием» свидетельствует о том, что стремление к самоорганизации и самодостаточности локусов российского пространства становится важнейшей тенденцией российского устойчивого развития. Готовится новое культурно-интеллектуальное качество свободного проживания в глобальной культуре III тысячелетия. Формула Ю. М. Лотмана — «Культура и взрыв» — готовится к осуществлению на наших глазах в неожиданных виртуально-ноосферных формах — формируется новая духовная формация, когда мысль и действительность почти не различаются в разноликости форм своего бытия: мысль для всех становится делом для всех.

От техногенной деантропизации к духовной коэволюции

Проблема места интеллигенции в ноосферной истории может оказаться одной из самых трудных в методологии изучения исторического процесса. Значительно проще увидеть детерминацию тех или иных событий в материальных проявлениях. Такого рода умозаключения предстают как убедительные верификации. Значительно труднее увидеть самое невидимое — человеческую мысль, которая вдруг стала причиной того или иного события. Но

самое парадоксальное в историческом процессе именно то, что мысль оказывается исходной причиной всему.

Самое сильное воздействие американизации (западнизации) на культурное самостояние других этноцивилизаций проявляется в настоящее время именно в модели «окна»: пользование компьютером формирует новое сознание — сознание разбитого зеркала, разрушения целостности миробытия. Цивилизация, превратившая биосферу в глобальную техносферу, фактически, как показали гуманисты XX века, вывела человека за скобки его духовного бытия. В свое время П. Г. Кузнецов посчитал размерность распределения социального времени для самообслуживания и саморазвития человека. Теперь необходимо считать время, которое тратится человечеством на свое духовное развитие, позволяющее преобразовывать не только техносферу и социосферу, но антропосферу и культуросферу, т. е. на обнаружение (экспликацию) реального процесса перехода биосферы в ноосферу, того, что можно назвать ноосферной историей.

Русская культура XIX века, может быть, потому и считается всемирным достоянием, поскольку она показала всем (прежде всего европейским) культурам, что для российского этноса так же характерно дерзание в области духовного развития, как и в области пространственного освоения мира. Однако, как это бывает очень часто, за «удачным прыжком» может последовать целая череда падений и катастроф. XX век для русского мира оказался именно такой катастрофой техно-сциентистского заблуждения, выход из которой потребует воссоздания всех программ социальной памяти. Матушка-Русь вынуждена была на короткое время стать «Жанной Д'Арк», облачиться в железо и взять в руки меч, чтобы защитить пространство своей культуры. Две мировые войны продемонстрировали не только факт «дегуманизации искусства» (Х. Ортега-и-Гассет), но реальность «тотальной деантропизации», которая фактически получала название «геноцида». Современный человек все больше предстает как своего рода «техноантроп», ибо в нем *вооруженность* занимает значительно больше места, чем *одухотворенность*. В этом смысле человек вдруг заблудился на какое-то время, чтобы, очутившись в дремучем лесу, понять, что надо искать поляну света. «Чистый разум» превратился в «чистое знание»,

которому также не хватает «жизни» («живого знания»), как «чистому разуму» не хватает «разума практического».

«Вымороченная интеллигенция» — важнейший результат техногенного развития человеческой цивилизации в XX веке. Биосфера за очень короткое время — за сто лет — порабощена техносферой. Техносфера не только унифицирует (редуцирует) биосферу, но и превращает человека в техноуправленца со всеми вытекающими из этого последствиями. Именно в этом заключается феномен «расчеловечивания» («деантропизации» и «деинтеллигентизации»).

Потеря качества в шахматной партии иногда позволяет осуществить интересное и выигрышное продолжение. В этом смысле потеря «человеческого качества» в определенный момент отечественной истории (в эпоху Петра Великого и сталинскую эпоху) всегда позволяла сделать гигантский технический и промышленный рывок. Мировые войны, революции и экстремальные индустриализации в XX веке убедительно показали, что социально-экономическая конкретика может использовать «человеческий материал» в целях саморазрушения. Власть предержавные, как убедительно показано уже в «Новом Завете», всегда найдут аргументы, чтобы вновь и вновь распять людей, пытающихся в себе реализовать образ Христа. Человек постдвадцатого века отчетливо понял, что для того чтобы выжить, необходимо (хотя бы иногда) снимать «розовые очки», мешающие правильно воспринимать не только формы и модели социальной природы, но и модусы антропо-гуманистического содержания самого человека. Перманентное распятие — вот содержание человеческой истории, но у человека всегда есть возможность еще и еще раз перечитать «Новый Завет», чтобы обнаружить, несмотря ни на что, ноосферный потенциал своей трагической истории.

Христианская идея значительно опередила возможности социально-технической коэволюции, в той же самой мере как и коммунистическая идея К. Маркса, выросшая из немецкой классической философии, а вслед за ней и ноосферная идея великого иезуита П. Тейяра де Шардена, имеющая свои истоки в неотолизме.

С точки зрения современных синергетических представлений можно было бы сказать, что ноосферные аттракторы человеческой истории определены еще в глубокой древности (в том

числе не только в мировых религиях, но еще раньше — в «Изумрудной скрижали» Гермеса Трисмегиста). Процессы самоорганизации человеческого порядка и хаоса, миро-бытия и войно-бытия, в каждый конкретный момент обретают свое выражение в порядке экономического, социального и культурного Всеединства, обреченного на Хаос, или социоприродного хаоса, предполагающего стать в трудах человеческой самоорганизации формой порядка, дерзающего интеллектуального и интеллигентского сообщества. В этом смысле интеллектуалы строят из «кубиков» *техносферу* (кубики более устойчивы, и конструкции из них сохраняются достаточно долго), а интеллигенты строят *ноосферу* из «шаров», заведомо обреченных на подвижность. Чем быстрее бежит историческое время, тем менее устойчивы оказываются духовные конструкции. Особенности преодоления социально-экономического *трения* в организме цивилизации позволяют сделать следующий шаг в социально-духовном (ноосферном) развитии, связанном с преодолением ноосферных коллизий и конфликтов. Ноосферная трибология в каждой культуре своя: в одной культуре шестерни цивилизации «смазаны» воздействием носителей широкой культурной платформы, в другой — фундаментализм и ортодоксия оказываются песком, насыпанным в бункеры поезда локальной цивилизации. Из искр, сыплющихся в этом случае, и возникают войны и революции.

При всем этом в XX веке обнаружили себя два неожиданных этапа, способствующие формированию интеллигенции — это эпоха НЭПа 20-х годов и оттепель «шестидесятников». Может быть, есть некая закономерность, что через 30—40 лет (через поколение) возникает пассионарный толчок: материальный ориентир вдруг внезапно сменяется духовной ориентацией, затем вновь возвращается логика материального обогащения.

Последние два десятилетия оказались решающими в ответе российской цивилизации на глобальные вызовы — наконец-то после третьей попытки оказался удачным НЭП, задуманный еще В. И. Лениным.

90-е годы XX века в России, весьма вероятно, — период завершения материального цикла. Может быть, именно по итогам этого трагического времени сформируется новая молодая интел-

лигенция, которая обеспечит для великой России возможность ноосферного развития.

Ярчайший пример формирования феномена интеллигентности и глобальной духовности — жизнь нашего земляка Андрея Арсеньевича Тарковского, оставившего миру незабываемые образы глубинной русской провинциальной культуры, имеющей почти тысячелетние корни, которым он был свидетелем в самый эмоционально-восприимчивый период детства и юности. Место А. А. Тарковского в ноосферной истории ждет своего глубокого исследования.

Очень важно, чтобы современный человек ощутил не расколотость мира (а на то имеются значимые факторы цивилизационного развития, связанные со спецификой отношения к пространству и времени), а единство (и даже всеединство) пространства. Гениальность В. С. Соловьева в значительной степени проявляется именно в том, что он показал через образ религиозно-философской (и, конечно, художественной) картины мира возможность мыслить мир как единое-целое. В значительной степени именно эта интенция русской философской мысли и определила продуктивность будущих ноосферных построений В. И. Вернадского, характерных для ноосферно-глобального мира. Интеллигенция, таким образом, не только форма фиксации абсолютности общечеловеческих ценностей, но и утверждение абсолютности общечеловеческого пространства и времени, а также всеобщности антропологической и персоналистической коэволюции.

(Окончание следует)